

27 ОКТЯБРЯ 1966 г. — 4 стр.

ГОВОРИТ РАЙКИН

Впервые в Киргизстан, в дни большого нашего праздника, приехал замечательный мастер советской эстрады, широко известный в стране и за рубежом актер-сатирик, народный артист РСФСР Аркадий Райкин.

Мы публикуем [в сокращении] данные им в этом году ответы на вопросы «Анкеты «Недели» (иллюстрированного воскресного приложения к газете «Известия»).

ВОПРОС: Что сделало вас тем Аркадием Райкиным, которого все мы сейчас знаем? Стремление бичевать дурное или же вполне понятное благое желание веселить людей, вселяя в них бодрость и оптимизм?

ОТВЕТ: Началось с того, что я, кажется, пяти лет от роду впервые попал в театр и влюбился. Влюбился в него. И с тех пор не могу представить себя без театра. Сначала было желание быть на сцене, играть, представлять. Позднее я стал задумываться о пользе театра, о его роли в жизни общества. И сейчас думаю, что театр — великий учитель, замечательная школа, экспериментальная лаборатория человеческих отношений. А главное — он в определенном смысле и арена борьбы за гуманность.

ВОПРОС: Кто ваш главный враг, против которого направлено все, что вы делаете на сцене?

ОТВЕТ: (решительно). Невежество.

ВОПРОС: Кого вы считаете своим учителем или учителями? В конкретном, а также и в более общем смысле?

ОТВЕТ: Мне было чему учиться и в Малом, и у Мейерхольда, и в Камерном, и в МХАТе. Я никогда не был связан с театром имени Вахтангова, но работа Мансуровой, Рубена Симонова, особенно Щукина — это ли не школа? Ленинградец Певцов, москвич Ильинский, Штраух, Глизер... А Утесов? Нынешнее поколение знает его лишь как певца. Я же помню Леонида Осиповича синтетическим актером, который чудесно читал со сцены рассказы Бабеля и с не меньшим успехом играл Раскольников в «Преступлении и наказании»!.. Моим педагогом был профессор Ленинградского ГИТИСа Владимир Николаевич Соловьев. При Эрмитаже в те времена существовал очень своеобразный историко-музыкальный театр, в котором можно было увидеть спектакли XVI века, послушать лютий или клавесин. Однажды там поставили оперу Перголезе «Служанка-госпожа». В ней три персонажа, один из них без слов, мим, каковым Соловьев сделал меня. Это и была моя первая роль в театре.

ВОПРОС: Существует ли для вас «плохой», «трудный», «любимый» зритель? Выбираете ли вы кого-то в партере, кому адресуете свое искусство, или оно предназначается сразу всем?

ОТВЕТ: Самый лучший зритель для меня тот, кто затратил энергию и время, добывая билеты: значит, очень хочет быть на спектакле, именно на этом. Вот культпоход — хуже. Знаете, как это бывает: «Семен Семеныч, вы идете на Райкина? Мне, что ли, пойти?» И идет за компанию.

Никаких одиночек в зале я не выбираю. Весь зал нужно воспринимать, как одного человека. Причем для меня спектакль — доверительная беседа с другом. Только другу можно рассказать самое сокровенное. Если же хоть на мгновение допустить, что в зале сидит неумный человек, — искусству конец: зритель моментально почувствует такое отношение. Некоторые актеры иногда говорят: «Зритель сегодня плохой». А это они, актеры, сегодня плохи, что-то не в порядке в их актерском инструменте. Вообще же я больше люблю дневные спектакли, когда люди в зале не устали.

ВОПРОС: Нам известен в общих чертах процесс репетиций, принятый актерами обычного театра. Но как репетируете вы, которому в течение полчаса приходится мгновенно переключаться с образа на образ?

ОТВЕТ: Репетировать все сразу невозможно. Каждая часть готовится отдельно. Сначала первая, затем вторая, затем первая и вторая подряд. Потом третья часть, и все три вместе. Четвертая и так далее. Так пианист по очереди доводит до кондиции каждый пассаж, постепенно соединяя их в концерт. На мой взгляд, эта работа требует большей техники, чем в драматическом театре. Ведь я мог бы любой свой персонаж играть в продолжение всего спектакля, три часа. А должен сыграть за минуту. И знаете, искусство миниатюры и для писателя сложно. Както Алексей Николае-

вич Толстой собрался написать для меня миниатюру. А через некоторое время пришел и сказал: «Знаешь, брат, миниатюры не вышло. Вышла пьеса».

ВОПРОС: Аркадий Исаакович, как вы относитесь к рецензентам ваших спектаклей? Помогают они вам или, быть может, мешают?

ОТВЕТ: Конечно, было немало для меня лестных статей, и среди них встречались вещи, написанные с подлинным литературным блеском. И все же мне кажется, что никто из журналистов не относится серьезно к сверхзадаче нашего спектакля. Обращают внимание на актера, а не на то, о чем он говорит. (Горячо и

взволнованно). А я все жду — может быть, напишут наконец: «Послушайте, ведь этот клоун, этот шут, паяц, лицедей говорит дельные вещи!» Я готовил однажды миниатюру, направленную против тех хозяйственников, которые стараются в конце года израсходовать на что угодно свои фонды, лишь бы получить такие же на будущий год. В процессе работы над миниатюрой мне довелось обстоятельно беседовать с министром финансов СССР; он объяснил всю подноготную подобных финансовых авралов и поддержал тему. Жаль, что никто из газетчиков не заметил практической деловитости этой сценки.

ВОПРОС: Вы затрачиваете во время спектакля много физической энергии? С предоступлением какого вида спорта вы сравнили бы себя? Какой спорт вы любите?

ОТВЕТ: Можно ли пробежать марафонскую дистанцию без тренировки? Нельзя, уметь, как тот древний грек, первый марафонец... Зимой я люблю лыжи, летом велосипед.